

**ГРИГОРИЙ
ШАНСОВ**

**ОТЕЦ
В ЗОЛОТИСТОЙ
ОБЕРТКЕ**

18+

Григорий Шансов

Отец в золотистой обёртке

<https://litres.ru/64003633>

SelfPub; 2026

Аннотация

Место действия: США, Австралия, Индийский океан, космос за орбитой Нептуна. Время действия: 2015 год. Дэниел Торрес, сын ученого Райана Торреса, тайно отправляется на Плутон, исполняя волю покойного отца. Для космических полетов построена яхта полноценный космический корабль, в котором реализованы невероятные для 2015 года разработки. Но взлететь незаметно с планеты Земля крайне сложно. Ученый Деррик Рингер, работающий на ВВС США, случайным образом обнаруживает ее...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	43
ГЛАВА 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Григорий Шансов

Отец в золотистой обёртке

Кто из нас заглядывал в сердце своего отца?

Томас Вулф

Редакция 2026

ГЛАВА 1

Есть особый сорт людей. Они ищут простор и свободу всю жизнь, а если находят, то уже не могут жить как прежде.

В то раннее утро от австралийского берега отчалила яхта и направилась в сторону Антарктиды. Дул слабый ветер, и рассвет набирал силу с каждой минутой.

Яхта средних размеров, от носа до края кормовой площадки 35 метров, до класса суперяхт ей не хватало всего пяти метров. Ультрасовременного вида, обтекаемой формы, она была похожа на пулю. На серебристых бортах виднелась надпись голубыми буквами – «Вега». В кабине за штурвалом стоял человек средних лет. На экране бортового компьютера светилась дата: 10 мая 2015 года.

Человек оставил управление автопилоту и вышел на палубу. Он раскинул руки, словно обнимая небо, и полной грудью вдохнул морской воздух. Над его головой кружили чайки, а позади неспешно уходила в даль полоса континента.

Человек спустился в трюм, откуда доносился шум двигателей. Там стояли два дизеля, баки, ряды газовых баллонов различных цветов, шкафы с электроникой, насосы для газов и жидкостей, большие емкости и ящики. Трубы и провода пролегали по стенкам, соединяя оборудование между собой и уходя наверх. Начав с трюма, человек обошёл яхту, проверяя, всё ли в порядке.

«Вега» направлялась в пустынные районы, где не проходят морские пути, не летают самолеты, нет рыболовных маршрутов и куда вряд ли будет обращено внимание спутников. Туда, где царствует одиночество. Эти воды не знают, что где-то есть мегаполисы, здесь дико и перевозданно, словно это не частичка привычной нам Земли, а необжитая планета. Как говорил один французский летчик: «Наша планета по большей части пуста».

Человек поднялся в кабину. Всю переднюю ее часть занимали пульты управления с мониторами. Перед пультами – минималистичное кресло пилота «Боинга 777» с некоторыми переделками. На стенках с обеих сторон крепилось оборудование, а свободные места заполнены пристегнутыми мешками, где хранились различные вещи – вроде сменных фильтров, противопожарных тканей и бытовых принадлежностей. В задней части кабины справа располагалось спальное место, оснащенное ремнями для пристегивания и спальным мешком. Напротив спальника, у левой стенки, крутая лестница вела на нижнюю палубу, а в центре задней части кабины сделан основной выход наружу.

Яхта монотонно следовала прямым курсом. Когда сгустились сумерки, человек откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Его звали Дэниел Торрес. Отец называл его Дэн. Сейчас он не чувствовал усталости. Только сильное волнение от предстоящего дела.

Все системы работали в обычном режиме. Внизу пели

свою монотонную песню двигателя, автопилот держал курс, и радары сообщали о полном одиночестве. Вокруг ничего, кроме тьмы, ветра и волн. И никого. Вот уже 19 часов мимо не проплывало ни одно судно.

Отец Дэниела, ученый Райан Торрес, критиковал академический мир, заявляя о его необъективности и относительности ученых степеней. В ответ другие ученые находили, за что критиковать его самого.

– Ты думаешь, ученые – это сверхлюди? – спрашивал Райан маленького Дэна. – Нет и еще раз нет! Хотя вид у многих из них, как у гусей с фермы дядюшки Карла.

– Пап, но ведь они умнее, чем дядя Карл! – искренне возражал Дэниел.

– Ха-ха-ха! Твой дядюшка более адекватен, чем большинство из них, поверь мне! – и рука отца трепала торчащие в разные стороны волосы сына. – Что значит быть умнее? Помнить много цифр? Поражать недалекий мир научными терминами? Большинство из них даже отдаленно не представляют себе то, с чем работают. Осваивают бюджет, создают видимость бурной деятельности, повторяют умные слова за великими людьми. Обычные попугаи и то выглядят куда честнее.

Маленький Дэн не понимал отца, но сохранял в памяти всё, что тот говорил, надеясь разобраться в этом со временем. Отец всегда был непререкаемым авторитетом для сына, осведомленным, объективным и мудрым. Не существовало

ни одного понятия или явления, о котором Райан не мог порассуждать.

Для многих ученых наука – это доходный бизнес или светлая мечта сделать такой бизнес. На первый взгляд они искренне радели за науку, но в жизни та интересовала их меньше, чем высота травы на газоне у дома. Успешный ученый получал и другие дивиденды: славу и признание. Трудно сохранить хладнокровие, когда тебя представляют всем на светских вечеринках и ты видишь, как меняются лица публики. Ты ловишь завистливые взгляды мужчин, а страстные глаза женщин как бы невзначай распахивают перед тобой свои тайные двери. А уж как студенты заглядывают тебе в рот и ловят каждое твое слово! Даже твои ошибки выставляют как достоинства. Любовь к такой деятельности растет день ото дня.

Наверное, поэтому Дэниел не стал ученым. Закончив Калифорнийский технологический институт, называемый попросту Калтехом, он стал изобретателем и начал работать с отцом.

Дэниел нажал кнопку кофемашины. Всё шло к тому, что спать сегодня не придется. «Вега» качалась с носа на корму, приборы показывали средней силы южный ветер, а носовые прожекторы выхватывали из темноты бескрайний простор, покрытый волнами. Через минуту Дэниел расположился в кресле уже с кружкой в руке и с наслаждением вдохнул аромат свежего кофе.

Отец Дэна работал в области прикладной физики под крылом исследовательского центра одной крупной компании. Его любовь к науке была известна далеко за пределами Штатов. Про таких людей говорят, что они женаты на науке. Жена от него ушла, когда сыну стукнуло 5, не собираясь больше терпеть несносный характер Райана и вечное отсутствие дома. Дэн остался с матерью. Отец навещал его, забирал с собой и возил по разным интересным местам. Это были сказочные для мальчика времена. Он восхищался отцом. Мать же внушала ему, что его папочка чокнутый на всю голову. «Лучше бы он был алкоголиком, а не ученым!» – бурно возмущалась она. Не понимая, чем же матери так нравятся алкоголики, мальчик научился скрывать от неё свое отношение к отцу.

После окончания института Дэн переехал к Райану. Отец выделил ему часть дома с отдельным входом, чтобы сын мог приводить к себе подружку, если такая появится. А однажды Райан передал в его управление один из собственных технологических патентов. У парня появились первые серьезные деньги.

Коллеги Торреса знали о его страсти к яхтам, за что и прозвали Капитаном. Он построил собственную яхту и выходил на ней в океан. Иногда в путешествиях к нему присоединялись два “чистых” астрофизика, которые работали над фундаментальными исследованиями – Алистер Санчес и Адам Бейкер. Дэн очень любил их общество. Три сумасшедших

физика на одном судне! Это были потрясающе увлеченные люди, живущие своим делом. Такое общение заражало юного изобретателя не только исследовательским энтузиазмом, но и самой жизнью, неистребимой жаждой деятельности и познания.

В 2008 году Капитан уволился из исследовательского центра и основал свою собственную компанию, состоящую из самого себя. С тех пор у него появилось больше свободного времени для работ в нужном направлении.

Дэниел взял спутниковый телефон и набрал номер. Он звонил в США, штат Мэриленд, где рабочий день был в самом разгаре. В динамике послышался колоритный голос Адама Бейкера. Природа одарила его таким узнаваемым тембром, что однажды ему предложили поработать на радио.

– Сынок, ты все-таки решился на это? – после смерти Райана Бейкер стал обращаться к Дэну “сынок”. Своих детей у него не было. Жена умерла лет десять назад.

– Да, мистер Бейкер, – ответил Дэниел, – как говорил мой отец: «Почему нет?»

В трубке послышался хрипловатый смех.

– Эх, старина Райан... – последовала небольшая пауза. – Это был его главный аргумент.

– Я буду вести подробные отчеты, – сказал в трубку Дэниел. – В случае срыва экспедиции "Вега" вернется в автоматическом режиме. Вы знаете, мистер Бейкер, где и что искать.

– Береги ячейку номер три. Её давно пора заменить. Не

давай ей больше 70 процентов нагрузки. Не забудь о моих файлах, там данные для новых экспериментов. Будут вопросы – звони, пока ты в зоне доступа спутников.

– Окей!

– Держи машинный отсек всегда закрытым, так, на всякий случай, – продолжал наставления Бейкер. – Следи за фоном аномалии: есть опасения, что он плохо влияет на гемоглобин. Охлаждение проверяй, систему жизнеобеспечения тестируй подряд не меньше трех раз и затем на сорока тысячах еще три раза. Если будет хоть один отказ – возвращайся, у нас полно совместной работы.

– Нет проблем, – согласился Дэниел, хотя о мерах безопасности знал даже больше Бейкера. Он уважал этого старика.

– Мы не хотели отпускать тебя одного, но твои эксперименты для нас слишком опасны, сынок. Ты забрался слишком далеко. Вообще-то зря ты отправляешься один. Тебе нужны помощники. Когда вернешься, прошу тебя, обязательно найди себе надежную команду.

Они проговорили еще полчаса, а в завершение Бейкер произнес настолько тепло, насколько позволял его хриловато-раскатистый голос:

– Ну давай, сынок, дерзай! Почему нет!

Почти трое суток без остановки «Вега» шла прямым южным курсом. Ветер сменился на западный, и волны неприят-

но раскачивали судно. Наконец глубокой ночью яхта достигла нужного сектора и легла в дрейф. Дэниел накинул куртку и вышел в темноту на палубу яхты. Снаружи было холодно. Он вдохнул полной грудью аромат океана. За эти три дня Торрес снова породнился с ним, как это бывало и раньше. И казалось, океан принимал его как своего.

Еще и еще раз Дэниел вдыхал свежий воздух, стараясь запомнить это пьянящее ощущение. Несмотря на то, что время поджимало, он вынес наружу кружку с горячим кофе и, отпивая понемногу, вдыхал после каждого глотка свежую порцию кислородно-азотной смеси, как бы выразился в шутку его отец. Контраст температур, запахов и вкуса! Как это ценно именно сейчас!

При мысли об отце сердце Дэниела дрогнуло, в глазах появилась влага. Здесь, за две с лишним тысячи километров от материка, ему было некого стесняться. И казалось, что океан понимает его. Словно глубокий стон послышался из водной бездны. Мощный, могучий и протяжный. Потеряв отца, Дэниел потерял всё. Опору, пример и смысл. Слишком много места в его жизни занимал отец. Теперь Дэну приходилось заново учиться жить, переосмысливая то, для чего он всем этим занимался. Последние два года он продолжал существовать по инерции, завершая работы над «Вегой», которые не успел сделать его отец. Но что будет дальше, Дэниел представлял довольно смутно. Научные открытия лишь ради самих открытий в его глазах стали терять всякий смысл.

Постояв так еще пару минут, он поднялся по лестнице на самый верх яхты, снял два радарных отражателя и занес их внутрь. Затем закрыл и заблокировал толстые двери с помощью специального механизма. Спустившись в двигательный отсек, находящийся в самом низу яхты, точно так же запер и его. Поднялся в кабину и включил систему жизнеобеспечения. С этого момента свежего воздуха на борту не будет долгое время. Пока выполнялись тесты систем, Дэниел спустился на нижнюю палубу, которая располагалась посередине между машинным отделением и верхней палубой с кабиной. Здесь базировалось научное оборудование, система поддержания жизни, хранилась еда, располагались 5 кислородных блоков, находились душ и туалет. В передней части располагались четыре ячейки преобразователей в специальных контейнерах. Это была генераторная станция. Первая ячейка уже работала три дня на один процент от номинальной мощности. Оставалось ввести в работу остальные три.

Дэниел включил несколько тумблеров на панели рядом с контейнерами и запустил цикл подготовки к генерации. Поднялся наверх, проверил, нет ли сигналов аварии системы жизнеобеспечения, и включил систему управления маршевыми двигателями. Маршевые движки на аномальном эффекте выглядели как две двадцатиметровые трубы, запечатанные с двух сторон и подвешенные к потолку машинного отсека с помощью специальных мощных демпфирующих ме-

ханизмов, которые сглаживали толчки и колебания. К двигателям подходили трубки для охлаждения и толстые электропровода.

Дэниел спустился в двигательный отсек, проверил, всё ли в порядке, снова поднялся в кабину и запустил в работу блок управления гиродинами, от которых зависит ориентация в пространстве. Пока те раскручивались, он сложил обе антенны спаренного радара в транспортный отсек и убрал антенну радиосвязи специальными тумблерами. Теперь «Вега» жила новой жизнью, той самой, которую заложил в неё Райан. Шум вентиляторов, насосов и приводов сливались в один сплошной гул, от которого со временем начинает болеть голова. Снаружи в это время ночь была в самом разгаре, и яркие звезды южного неба с вековой надежностью указывали путь.

Дэниел придвинул ближе сегмент панели с тумблерами и джойстиком, который скоро понадобится для управления при перегрузках, поскольку до основного пульта в таком случае не дотянуться и даже не встать. Он удобно устроился в кресле и пристегнулся ремнями, как в гоночных автомобилях.

Торрес-младший не спешил. Приборы в порядке. Нажалась кнопка с надписью «Гравитационный экран». Яхта вздрогнула и приподнялась. Снаружи забурилась вода, поднимаясь вместе с корпусом, и брызгами разлетелась в разные стороны. 84 тонны металла и пластика зависли в воздухе. Во

тьме оголился небольшой киль и гребные винты. Закружилась вихрь, срывая капли воды с поверхности океана и разбрасывая их вокруг.

Внутри яхты наступила невесомость. Изменился шум механизмов, несколько мелких предметов поплыли в воздухе. Дэниел взялся за джойстики и попробовал все их положения. Яхта послушно двигалась в пространстве. Это работали плазменные двигатели ориентации, расположенные по всему корпусу.

– Ты готова? – спросил он вслух, словно «Вега» была для него живым существом. На лбу Дэниела заблестели капельки пота. – Нас ждут великие дела, малышка! Отец, всё это ради тебя! Почему нет?!

Нажав несколько кнопок, он сжал ручки тяги маршевых двигателей и немного подал вперед. Яхта качнулась, стабилизировалась и пришла в движение, скользя по воздуху всего в паре метров от воды. Высотомер показывал неспешный набор высоты. Когда на табло загорелось “30 метров”, Дэниел убрал тягу. Яхта встала вертикально, ее нос смотрел точно в небо, а кормовая часть почти касалась воды. Если бы кто-нибудь сейчас видел это – не поверил бы своим глазам. Скрываемая темнотой, “Вега” устремилась в высоту, а пилота придавило перегрузкой.

Дэниел напряженно следил за приборами и думал об одном неприятном обстоятельстве. Военные! Любой объект, оказавшийся в атмосфере, моментально пеленгуется назем-

ными локационными станциями и спутниками на различных орбитах. Холодная война подарила миру системы раннего обнаружения пусков баллистических ракет, работающие от тепловых и оптических спутниковых датчиков, включая наблюдения в радиоволновом диапазоне с земли, и вся эта система не давала никаких шансов объекту размером с "Вега" улизнуть незамеченным с планеты. Приняв яхту за вражеский объект, военные могут через пару минут превратить ее в грудку обломков.

Чтобы снизить риски, для взлета Дэниел выбрал этот крайне спокойный и безлюдный, стратегически неинтересный район. Ближайшие австралийские загоризонтные локационные станции развернуты в другую сторону. Для взлета выбрана ночь, чтобы оптические приборы не заметили серебристые борта, и траектория располагалась таким образом, чтобы в тени Земли удалиться настолько, что обнаружить яхту визуально станет крайне трудно.

"Вега" была покрыта специальным составом, поглощающим радиоизлучение. Состав делал ее незаметной для радаров. Чтобы выполнить требование безопасности при морских путешествиях, Дэниел ставил на крышу радарные отражатели, а когда надо – убирал их.

Не видели "Вега" и тепловизоры. Маршевые двигатели не имели горячих струй, как у всех ракет. Двигатели на аномальном эффекте не давали никаких выбросов. Незначительное тепло, которое вырабатывалось из-за аномального

эффекта, вблизи Земли отводилось в специальные аккумуляторы, а затем уходило в пространство в виде направленного инфракрасного излучения или использовалось для обогрева. Однако всегда оставалась вероятность, что более совершенные и сверхсекретные системы всё же смогут обнаружить яхту.

Высотомер показывал 5 километров. Аэродинамика яхты не позволяла разогнаться быстрее 600 километров в час в плотных слоях атмосферы. Высота 10 километров, 20, 30. Атмосфера становилась разреженной, и «Вега» прибавляла скорость. Затем, когда отметка высоты перевалила за сто километров, активировалось защитное поле от радиации и ускорение достигло 4G. Яхта устремилась в темный космос.

Дэниел терпеливо переносил перегрузку. Дышалось с трудом, голова прилипла к подголовнику, руки налились свинцом, затуманилось зрение, ломило руки и ноги от застоя крови. Через полчаса яхта достигла высоты 40 тысяч километров от поверхности Земли. Дэниел снизил тягу и отключил гравитационный экран.

В следующую секунду раздался сигнал предупреждения о наведенном луче пеленгатора. Противная трель из маленького динамика на панели приборов. Видимо, «Вегу» все-таки засек один из спутников на высокой орбите. Как он это сделал?! Что ж, некоторые инженеры не зря едят свой хлеб. Дэниел постарался как можно более плавно отодвинуть ручки тяги до упора, пока отметка не установилась на 6G – мак-

симальное ускорение, на которое способны маршевые движки. «Вега» рванула в темный бархат космоса, усыпанный бесчисленными звездами.

Луч пеленга пропал, но Дэниел гнал свой корабль, насколько хватало сил терпеть перегрузку. Преодолев отметку в 100 тысяч километров от поверхности планеты, а это примерно четверть расстояния от Земли до Луны, он плавно отключил ускорение, отдышался и активировал внутренний симулятор гравитации, благодаря которому можно было ощущать подобие земного притяжения внутри яхты. Очень комфортно, особенно для долгих путешествий. Ходишь ногами, а не паришь в воздухе, как астронавты на МКС. Защитное антирадиационное поле автоматически перешло в режим повышенной мощности. Здесь от радиации не спасет магнитное поле Земли, поэтому пребывание человека без должной защиты попросту убьет его за короткое время.

Дэниел встал и прошелся по кабине, разминая затекшие ноги. Сейчас он был единственным человеком, который находился так далеко от Земли. Скоро «Вега» выйдет из тени планеты, и Солнце осветит ее корму ослепительно белыми лучами. Да, Солнце на самом деле не желтоватое, как видит земной наблюдатель, а белое и очень яркое. Дэниел обошёл отсеки и проверил оборудование, затем развернул корабль, чтобы посмотреть на Землю и надолго попрощаться с ней. И хотя с той точки, где в тот момент находился Торрес младший, планета открывалась с темной стороны, всё же он

страстно желал увидеть то место, откуда был родом. Окаймленная тонкой голубоватой полоской Земля скрывала в себе силу жизни, непостижимую остальному космосу.

А вокруг раскинулся бескрайний океан звезд. Зрелище не для слабонервных. Когда человек впервые видит это, в душе рождается новое, прежде неизвестное чувство. Человек начинает по-другому осознавать реальность. Он переоценивает собственную жизнь и всё очевиднее осознает сущность человеческих устремлений. Окружая себя рукотворными объектами – городами, магазинами, дорогами и стенами, человек ограждает себя от реальной картины мира. Но побывав в космосе лишь раз, он захочет возвращаться туда снова и снова, чтобы ощутить это величие, грандиозность, запах бескрайности и новую, настоящую тайну бытия.

ГЛАВА 2

В это время в городе Лорел штата Мэриленд стояла солнечная погода. В разгар ланча вокруг здания Лаборатории прикладной физики сновали сотрудники, на ходу приветствуя друг друга, разговаривая по телефону и поедая сэндвичи, стараясь побольше успеть за время перерыва. Дерик Рингер наблюдал за ними, словно за рыбками в аквариуме, развалившись на сиденье своего белого «Додж Рэм 2500». Ученый, бизнесмен и ловец трендов, он только что приехал в лабораторию, чтобы плотно поработать до самой ночи.

Рингер участвовал в одном грандиозном проекте вместе с командой исследователей и инженеров. Девять лет назад в космос запустили небольшой межпланетный зонд Р-2006. За эпохальным стартом сверхтяжелой ракеты «Атлас-5» с мыса Канаверал наблюдал тогда весь мир. Зонд весом в полтонны отправился в далекое путешествие по Солнечной системе к самой дальней планете – Плутону, чтобы пролететь около него в непосредственной близости и собрать ценные научные данные. По злой иронии через полгода после запуска зонда Международный астрономический союз лишил Плутон статуса полноценной планеты. Теперь это была карликовая планета. Хотя самому Плутону наверняка всё равно.

Рингер был включен в проект шеф-инженером наведения и управления. Гонорар оказался не самым щедрым, поэто-

му от сотрудничества он ожидал мало. Основными его заказчиками были военные, финансирующие другой проект, строго секретный, касающийся спутников. Рингер разрывался между проектами. Хорошо оплачиваемая работа – это его страсть, но в последние недели работа с Плутоном отнимала слишком много времени, поскольку зонд вплотную приблизился к цели.

Потратив на покрытие гигантского расстояния целых девять лет при скорости около 14 километров в секунду, Р-2006 находился всего в двух месяцах пути до Плутона. Зонд отправлял на Землю снимки, которые поражали воображение всего цивилизованного мира. Что же будет, когда он чуть ли не столкнется с Плутоном нос к носу? Наступало время открытий! Команда напряженно работала, проверяя и перепроверя расчеты, чтобы исключить даже малейшую возможность ошибки и с триумфом завершить миссию.

Рингер вышел из машины, аккуратно захлопнул дверцу, осмотрел себя, смахнул пару пылинок с черного пиджака, сверкнул стрелками отутюженных брюк и направился ко входу. Среди ученых и инженеров в моде была более свободная одежда, но Рингер выделялся из общей массы. Скрупулезный в деталях, он походил больше на политика или крупного бизнесмена, мечтавая однажды стать им равным и навсегда обосноваться в рядах мировой элиты. На его квадратном лице с тяжелой челюстью горели насмешливые, недоверчивые серые глаза, находясь в синергии с дежурной ухмылкой,

которая пропадала только во сне.

Он прошёл по коридорам лаборатории и оказался в зале командного центра. Помещение занимали столы с компьютерами, на стенах висели три огромных экрана и множество информационных плакатов. С потолка лился желтоватый галогеновый свет. Несколько человек сосредоточенно работали. Рингер поприветствовал их и расположился за своим компьютером. Началась обычная работа инженера. К нему подошёл сотрудник из команды программистов.

– Мистер Рингер, у нас готов резервный пакет программы.

– Хм, хорошо, я посмотрю, – недовольно пробормотал в ответ тот. – Последняя коррекция проводилась в марте, два месяца назад. Не думаю, что мы промахнемся.

Ученый направился к столам программистов, где собрались несколько человек. На центральном экране появилось изображение системы Плутона со спутниками. Зонд только что прислал новые снимки. Все, кто находился в зале командного центра, оживились и подошли к экрану. Открытия здесь случаются часто, и сотрудникам лаборатории выпала честь узнавать это раньше остального мира. Совместные открытия всегда сплачивают, и команда загорается живым энтузиазмом.

– Мистер Рингер, вас просят подойти к шефу, – сообщила сотрудница, найдя его в группе ученых.

Отдав пару распоряжений, Рингер направился в кабинет руководителя – небольшой закуток со стеклянными стена-

ми. Как только он вошёл в кабинет, в кармане завибрировал телефон. Звонил Скотти, сотрудник секретной программы. Сбросив звонок, Рингер сел в кресло напротив администратора проекта. Скотти звонил ещё несколько раз, и Рингер во время разговора с администратором постоянно отвлекался на мысли о том, что же хотел поведать Скотти. Руководитель проекта нагрузил дополнительной работой, добродушно улыбаясь при этом. Наконец Рингер вышел из стеклянной комнаты и тут же перезвонил.

– Тебе надо это увидеть! Мы засекли его! Это то, что ты ищешь! – коротко отчитался Скотти.

– Ты уверен, что это именно он? – переспросил Рингер.

– Ну-у, – уверенность Скотти слегка подтаяла, когда он вспомнил отношение Рингера к фактам и домыслам. – Что-то пролетело. Я не утверждаю, но возможно.

– Окей, приеду, как смогу, – ответил Рингер и сел за компьютер, хотя ему очень хотелось всё бросить и посмотреть, что же нашёл Скотти.

Когда стемнело, Рингер покончил с работой в лаборатории, прыгнул в машину и помчал на базу ВВС, в часе езды от Лорела, к юго-востоку от Вашингтона, где его ждал Скотти. Здесь находилась основная работа Рингера на ближайшие два года, а может, и дольше.

В большом здании, внешне похожем на ангар, часть помещений занимала специальная служба, занимающаяся научными и технологическими разработками. В распоряжении

Рингера было два помещения в этом здании, а также щедрое финансирование. Ухватив контракт с военными, он решил больше никогда не отвлекаться на «мелочевку» вроде Р-2006.

Чтобы попасть в офис, нужно было пройти досмотр на входе и миновать несколько автоматических дверей, открывающихся пропуском. Офис Рингера был тщательно нашпигован аппаратурой от пола до потолка. Собственный сервер, стойка бесперебойного питания, анализаторы, детекторы, генераторы и другая навороченная техника, в умелых руках способная создавать сверхсекретные разработки. Справа за прозрачной дверью виднелся просторный сборочный цех, где на подставке в приглушенном свете возвышался силуэт космического спутника. Скотти сидел за своим столом. Его поза выдавала болезненную утомленность.

– Что у тебя? – с ходу спросил Рингер.

– Тебе будет интересно, – Скотти поднял на него красные глаза. – Ты собираешь информацию про неопознанный объект со странным фоном. Так вот, похоже, он сегодня покинул Землю.

– Так...

– Вот, – Скотти открыл файл. На экране появилось черно-белое изображение множества точек, каждая из которых означала спутник или самолет в конкретный момент времени. Скотти ткнул пальцем в небольшое размытое, еле заметное пятнышко, которое выглядело непохожим на остальные

объекты. – Это он! Включаем покадровое воспроизведение – и видим, как пятно движется, улетает от планеты. Вот здесь и здесь указаны приблизительные координаты. Скорость – 54 километра в секунду! Расстояние от Земли – 40 тысяч километров. Ты знаешь что-либо, летающее так же быстро? И, между прочим, никто в этот промежуток времени ничего не запускал.

– Официально не запускал, – поправил его Рингер. – Скорость выше третьей космической. Бред какой-то, но мы разберемся. Что отобразилось в широкополосном сканировании? Ты применял алгоритмическую обработку сигнала? Что в инфракрасном диапазоне? Был ли зафиксирован пуск дежурными системами?

Скотти открыл другое окно программы со сложным графиком и множеством разноцветных линий.

– Я мало что выяснил, у меня полно своей работы. Сигнал замусорен, однако в целом характеристики одни и те же. Вот наблюдения трехлетней давности, когда объект X засекли в оптическом диапазоне. Как в тот раз, так и сейчас эта штука не отображается как ракета или спутник. Возможно, он полностью пластиковый. Только слабый фон вот этого самого излучения. Похоже, на нем стоит хитрый генератор, который порождает эту хрень. Нам повезло, он пролетел близко к спутнику. Похож на погрешность или артефакт, а не на объект. Ладно, шеф, занимайся, – Скотти встал и направился к выходу. – Бывай.

Оставшись один на один с электроникой, Рингер закрыл глаза и растер лицо ладонями. К ночи он совсем вымотался. Разумнее было бы поехать домой и отдохнуть, но такая удача случается крайне редко! Неужели это ОН? Рингер сделал глубокий вдох, собрал остатки сил и принялся перепроверять данные.

На высоких орбитах вращались три новых сверхсекретных спутника, созданные для обнаружения любых объектов вокруг Земли. И один из них несколько часов назад засек то, что очень похоже на объект X, за которым охотился Рингер.

Три года назад два радиотелескопа случайно наткнулись на еле заметный объект, покидающий атмосферу Земли. Один из радиотелескопов был спарен с оптическим телескопом, через который сотрудник службы увидел продолговатый серебристый объект. Наблюдения длились 32 секунды, затем объект скрылся в тени, которую отбрасывает Земля, и полностью исчез из обзора радиотелескопов.

Рассказ о загадочном НЛО дошёл до Рингера. Он изучил записи и понял, что речь идет о реальном объекте неизвестной природы, стартовавшем с Земли из района Бермуд. Воодушевленный загадкой, ученый-бизнесмен отправился на острова, чтобы найти след: какой-нибудь тайный цех, в котором могли сделать нечто подобное, или хотя бы следы высокотехнологичного производства. Но, кроме отелей и пляжей, на островах не было ничего. Тогда стало ясно, что объект стартовал с некоего судна, зашедшего на Бермуды. В то

время в район Бермудских островов заходило несколько исследовательских судов, в том числе частная яхта Райана Торреса – ученого, потратившего кучу денег на научное оборудование.

Когда Рингер начал собирать о нем информацию, Райан уже умер. О его смерти сообщила пара научных сайтов. Торрес в прошлом вел исследования в области гравитационных полей. Потом отказался от проекта, уволился из компании и работал частным образом. Стабильное финансирование приносили ему несколько патентов в областях излучений и алгоритмов. Коллеги по науке считали Райана неудачником, не доводящим дело до конца. Однако Рингер смотрел на дело иначе. Изучив патенты, он оценил размах мышления ученого. Масштаб. Интуитивно закралось подозрение, что Райан мог скрывать какие-то разработки. Рингеру захотелось получить исследования Торреса, которые можно продолжить и хорошо монетизировать.

Неизвестно, был ли Райан Торрес создателем того самого летающего объекта X, но его работами Рингер заинтересовался настолько сильно, что на какое-то время интерес к странному объекту угас. И теперь, через три года, объект «X» появляется снова! Правда, Райан к этому времени уже мертв.

Ученый встал, сделал несколько шагов по кабинету и вернулся за стол. Итак, объект был обнаружен, но отнесен системой к разряду неопознанных. При этом система запроси-

ла радиолокационный луч на эту область, с Земли мгновенно включились излучатели, но спутник не увидел эффекта – «светимость» объекта осталась прежней. Система автоматически отнесла его к аномалиям и пометила соответственно. Скотти постоянно просматривал сведения об аномальных объектах, чтобы понять, что именно система помечает как аномалию, обратил внимание на странный объект и позвонил Рингеру.

Когда включился луч засвета, объект «X» ускорился, пролетел еще двенадцать секунд, а затем исчез. Растворился в космосе. Было очевидно, что радиолокационный луч не имеет отношения к обнаружению, но нечто иное, некая аура окружает объект. Поле искажений.

Рингер высчитал область стартовой траектории. Теперь это оказались не Бермуды, а район между Австралией и Антарктидой. В той области нет островов, откуда можно стартовать. Значит, пуск с корабля! Как и в первый раз. И еще одна важная деталь – объект «X» виден в оптическом диапазоне, то есть в обычный телескоп. У него серебристый вытянутый корпус. А район старта находился с теневой стороны. Объект прятался?

Ученый подошёл к стеклянной двери, сложив руки на груди. Лицо его перекосила фирменная ухмылка. За дверью в полумраке помещения на специальной подставке возвышался новый спутник. Четвертый из серии и самый совершенный, готовый к отправке на космодром. Словно спя-

щий зверь, который способен поразить своей мощью, сейчас он покорно лежал на стапеле. Рингер будто почувствовал его тоскующие по работе микросхемы, готовые отдавать без остатка свой заряд аккумуляторы, жаждущие яркого света солнечные панели и точнейшие приборы, способные выследить даже самый засекреченный объект на удалении в сотни тысяч километров от Земли. И смотря на него сквозь стекло, Рингер понял – этот монстр способен обнаружить объект «Х» задолго до посадки.

Между тем наступало утро. Рингер прилег на диване в углу. Хотел было поехать домой, но передумал. Его жена еще спала. Она просыпалась поздно, в полдень, принимала свои таблетки от депрессии и занималась глубоким психоанализом. Психотерапевт брал большие деньги за лечение его жены. Лекарства, беседы, анализ, анализ анализа. Бесконечное копание в недрах души. Но раз жена говорила, что ей такое помогает, то Рингер был не против. Он признавал, что уделяет работе слишком много времени, но не видел другой возможности оплачивать счета.

Иногда у него появлялись мысли, что деньги не главное в жизни. Но тут же возникал вопрос – а что главное? Отношения? Их у него с женой давно нет. Всё растоптано, размечено по углам, забыто и заброшено, словно старые вещи на пыльном чердаке, куда и подниматься нет желания. Даже попытки восстановить былое приносили тупую боль, горькое разочарование в самом себе и жене, уверенность в том, что

проще оставить всё как есть и не мучить друг друга. Дети? У них нет детей. Они бы отнимали уйму времени, а ему нужно работать. В его точных расчетах нет места ни детям, ни жене. Разгадав загадки Торреса, Рингер сможет построить свою технологическую империю и диктовать миру свои условия, а не перебиваться случайными заказами. С этими мыслями он уснул.

ГЛАВА 3

В то время, когда Рингер собирал данные и пытался понять, что же такое улетело в космос, Дэниел Торрес выводил корабль на нужный курс и начинал основной разгон. Прячась в земной тени, "Вега" ушла в сторону, и теперь ее нужно было направить чуть левее. Чтобы добраться до Плутона за 2 месяца, потребуется скорость в пределах 1000 километров в секунду. По подсчетам Райана, это максимальная скорость, на которой защитное поле справится с жесткой космической радиацией. Радиация не даст выжить человеку вдали от магнитного поля Земли. Всего полгода – и можно даже не ходить к врачу: последствия необратимы. А из далёкого космоса прилетают ядра тяжелых элементов, кинетическая энергия которых сравнима с энергией пули. И всё это при микроскопических размерах атомарного ядра! Они пробивают любую барьерную защиту, попутно создавая шквал вторичной радиации. Приятного мало.

Дэниел ускорял "Вегу" ступенчато. Двухчасовой разгон, затем перерыв и снова ускорение. Следом длинный перерыв на сон, прием пищи и снова ускорение. Двое суток он занимался только ускорением, ничем больше. Ни экспериментами, ни тестами, ни обслуживанием корабля. Наконец маршевые двигатели прекратили монотонный гул. Приборы показывали 997, 56 километра в секунду относительно Солн-

ца. Скорости в космосе все относительные, и чтобы не ошибиться, важно это знать.

Несмотря на бешенную скорость, пилоту казалось, будто "Вега" никуда не двигалась. Мимо не проносились деревья или острова, пейзажи не сменяли друг друга, а ближайшие космические объекты были расположены так далеко, что их перемещение не замечалось. Земля оставалась позади, дуэтом с Луной неподалеку, впереди справа посреди звезд сияло яркое пятно Сатурна, слева тусклый Нептун, а по центру невидимый пока Плутон. Остальные планеты располагались по другую сторону от Солнца. Скорость здесь не ощущалась. Звезды, необычайно яркие, покоились на своих местах, как и сотни лет назад, а "Вега" неслась с безумной для космического аппарата скоростью на самые задворки Солнечной системы.

Дэниел в который раз обошёл яхту, проверил, всё ли в порядке, поднялся в кабину, сделал запись в судовом журнале и лег на кровать, закинув руки за голову. Он испытывал странное для такого невероятного путешествия ощущение полной безопасности. Жизнь Торреса младшего сейчас зависела только от его корабля, и, несмотря на это, он не беспокоился. Так владелец надежного автомобиля не переживает о его исправности, а просто едет и наслаждается, хотя знает, что теоретически случиться может всё что угодно.

Лететь в космос одному – самая бредовая затея из бредовых затей. Стоит заболеть, отравиться некачественной пи-

щей или повредить конечность, и успех миссии окажется под угрозой срыва. Откажут двигатели, генераторный модуль, система жизнеобеспечения или защитное поле, и Дэниелу конец. Даже банальная потеря герметичности любого отсека создаст катастрофические проблемы. Астронавты и представить себе не могут свою миссию в отсутствие коллег и поддержки с командного пункта Земли. Но Дэн странным образом наслаждался одиночеством. Одиночество – это порядок, отсутствие суеты, покой. Не нужно решать проблемы с экипажем, ни у кого не возникнет антипатий, раздражения или тоски по дому. Ни у кого не сдадут нервы, не нужно отвечать за другого, ничего и никому объяснять. И в этом была определенная сила. Сила одиночки. Дэниел мог рассчитывать только на себя, не ожидая и не надеясь попусту ни на кого. В его случае надежды не существовало. Если он будет обречен, если системы жизнеобеспечения откажут, если движки не смогут вернуть "Вегу" на Землю, то он будет умирать без паники, с достоинством космического пилигрима. Зная, что даже его смерть будет значить в каком-то сверхсмысле намного больше, чем смерть большинства людей, которые умирают у себя дома, в теплой постели, на планете, согретой Солнцем.

"Вега" рассчитана на команду из четырех человек. Одному на ней более чем комфортно. Подходящих людей, кому можно было бы довериться, не нашлось. А глубоко в душе Дэн именно этого и хотел – совершить полет в одиночку.

“Эта миссия войдет в историю по многим параметрам”, – думал он.

Это была идея отца – сделать космический корабль не в форме диска или летающей тарелки, как в кино, и не в виде самолета по технологии «Стелс», как предлагал сын, а очертаниями напоминающим яхту. Никто не подумает, что, уходя на месяцы в океанские путешествия, Дэниел и Райан на самом деле поднимались в космос. Океан ведь огромный, весь его не осмотришь.

– Я открыл такие вещи, – говорил Райан сыну, – о которых человечеству лучше не знать. Пока оно только и думает о том, как научиться эффективнее убивать. Настанет лучшее время, и людям пригодятся мои разработки. Но не сейчас.

Райан засекретил свои работы, закрыл проекты, обосновал их бесперспективность и уволился из компании. Именно тогда его посчитали ненадежным и ветреным. Он купил домик у моря и занялся доработкой яхты. Со стороны выглядело так, будто ученый решил посвятить время своему хобби.

Хотя Райан скрыл от мира свои разработки, он не смог прекратить их. Когда удача уже на крючке, не вытащить улов на берег довольно сложно. И Райан продолжал исследования. На свой страх и риск. Одержимость питала его все эти годы. Служила топливом. Убери ее, и человек потухнет. Райан не мог прожить жизнь так же, как и все прочие люди. Это не значит, что у остальных нет цели в жизни, но цели большинства были слишком приземленными для него. Уче-

ный считал, что люди до несправедливого мало отличаются от обыкновенной белки. Она растет, питается, делает запасы, размножается. Если вокруг много еды, белка жиреет. Затем она стареет и умирает. Но Райан считал, что способность к познанию в корне отличает человека от белки. Это способность, которой нужно непременно воспользоваться, постоянно питать жажду познания, тем более, когда вокруг такой поразительно сложный мир, словно созданный для того, чтобы открывать и изучать его. Как будто кто-то неведомый подарил людям большой конструктор, в котором имеется множество деталей, частей и материалов, а также приложены чертежи и масса возможностей для творчества, тем самым давая человечеству реализовать свой потенциал.

Несколько лет назад, когда опухоли в голове еще не было, Райан смотрел через телескоп, установленный во дворе дома, в ту область неба, где должен находиться Плутон. Воздух напоминал чистейший хрусталь. В такие ночи ученый мог вести наблюдения до самого утра, наслаждаясь минимальной турбулентностью воздуха и ясностью картинки.

– Знаешь, сын, – сказал Райан, – что бы там ни было, а Плутон – это планета! Самая настоящая! Вон там.

Он прильнул к окуляру телескопа, стараясь разглядеть среди множества тусклых дальних звезд маленький островок материи. Дэниел вышел из ангара и встал рядом, вытирая испачканные маслом руки.

– Там, у Плутона, свой мир. Далекый, темный и холодный.

Оттуда наша планета выглядит ничем не примечательной, – задумчиво произнес отец.

Стало прохладно, и Райан накинул на плечи золотистую термоизоляцию их каптона. Ту самую, которую применяют для защиты от излучения Солнца на спутниках и зондах. Дэниел тогда рассмеялся: Райан очень походил на древнего царя.

– А я бы хотел прогуляться по Плутону, – Райан оторвался от прибора и посмотрел на сына. – Почему нет?

– Что? – Дэн всё ещё не отошёл от смеха.

– Я вполне серьезно, сын. Мы с тобой были на Луне и на Марсе. "Вега" после апгрейда способна развить такую скорость, что дорога в оба конца займет полгода, не больше.

– Далековато.

– Туда сейчас летит зонд Р-2006. Если всё получится, то мы его догоним и помашем ручкой перед объективами, чтобы свести с ума оставшихся адекватных ученых! – отец тоже рассмеялся. – Знаешь, меня привлекает не столько сам Плутон, сколько техническое воплощение идеи. Ну ты меня понимаешь.

Райан принялся ходить по площадке вокруг телескопа, а золотистый материал за его плечами развевался, словно мантия пришельца из далекого космоса. Наверное, они именно такие и носят.

– А что, это мысль! Можем припарковаться там, пожить недельку, и свалить обратно. Собрать какие-нибудь данные,

образцы льда, и камня. Возможно, там есть своя атмосфера. У Плутона может быть несколько спутников. И мы сможем обкатать новые движки и проверить "Вегу" на дальних расстояниях. Как тебе идея?

– Почему бы вначале не попробовать высадиться на Европе или Ганимеди, а может, посмотреть, что находится в кратере Цереры? – предложил Дэниел.

– Всегда успеем, – отец прильнул к окуляру телескопа. – Да, я хочу этого! И непременно догнать Р-2006. Я докажу этим бездельникам, что летаю быстрее.

– Шутишь?!

– Так ты со мной или нет? – пробормотал Райан, глядя в телескоп.

– А как же твое лечение?

– Ерунда! Доктор намерен применить стереотаксическую радиохирургию. Через пару лет я забуду о болезни, как о прошлогодних листьях... Дэн, я вижу его. Это Плутон. Кажется это он. Тут слишком много похожих точек. Не важно, курс можно скорректировать по мере приближения. Если мы слетаем туда, то вся Солнечная система наша. Наша с тобой, сын. Все планеты и спутники станут нам доступны. А когда я умру, то пусть мой прах вечно летает в космосе. Понимаешь? Здесь, на этой тепленькой планете, мне не будет покоя.

Последние слова он произнес как будто для себя, словно повторяя известную культовую фразу из фильма или книги. А Дэн запомнил ее, как необъяснимо почему вдруг запоми-

нают случайно оброненные кем-то фразы на долгие годы, и даже на всю жизнь.

Лечение Райану не помогло. Рак мозга оказался сильнее высоких технологий. Во время процедуры больной неожиданно впал в кому, из которой так и не вышел. Дэниел знал, что его отцу было что сказать сыну перед расставанием, но всё оказалось сложнее. Они так и не поговорили. Райан был настолько уверен, что проснётся после операции, и не дал никаких напутствий сыну. И хотя Дэн приблизительно знал, что мог сказать отец, щемящее чувство недосказанного и невыраженного обжигало своей горькой очевидностью. Нестерпимая печаль словно застелила толстым покрывалом всё, к чему прикасался Дэниел, о чём он думал, всё, что делал.

Бывает, что отцы, действуя из лучших побуждений, суют в карман сыну сотню долларов и выставляют за порог, зарабатывать на жизнь своим трудом. Сыновья скитаются, крепнут, устраивают себе сносную жизнь и оседают вдалеке, на необъятных просторах земли. И лишь некоторые из отпрысков, чуя, что отец готовится покинуть мир живых, начинают налаживать с ним хоть какой-то контакт. Зачастую не зная, о чём поговорить с увядающим стариком, они молча присутствуют рядом, когда навешают засыхающее дерево, которое дало им самим семя жизни. Они не понимают, что тянет их к отцу. Может – долг, может – кровь. Но многое так и остается невысказанным, непереданным, невостребованным, словно

заранее подготовленным для погребения и утраты.

Райан Торрес, наоборот, всегда был ненавязчиво рядом. Где-то подсказывал, где-то сурово молчал, где-то пускался в пространные рассуждения. Как позже стал понимать Дэн, эти часы, проведенные в беседах с отцом, несмотря на его колоссальную занятость, говорили о многом. Ученый вкладывал самого себя в сына, учил его, словно писал в его разуме самую гениальную в мире книгу.

– Ты должен стать лучше меня! – много раз повторял Райан. – Тебе предстоит не только работать в областях открытий, но и разобраться с их моральной стороной. Наверное, подобное даже сложнее, чем делать открытия. Увы, я еще сам не до конца понимаю этот странный миропорядок. Разберись с ним, Дэн. Если и есть в нашем бренном мире достойное занятие, то это наука! Она имеет будущее, а всё остальное – лишь временное. Опалубка, мусор и тлен.

Эти беседы не прошли даром. Сын пошёл по стопам отца. Идеи Райана стали его собственными идеями, одержимость отца зажгла его собственную одержимость, и бескомпромиссная тяга к познаниям стала его неотъемлемой сущностью.

Однако, когда отец умер, Дэниел впал в прострацию. У него исчез всякий интерес к жизни. Их грандиозные совместные планы охватывали время на десятилетия вперед. Райан показывал сыну свои чертежи и разработки, обсуждал идеи, алгоритмы и фундаментальные основы для их реали-

зации. Всё это вдруг безнадежно повисло в воздухе, стало эфемерным, никчемным и пустым. У них не было в планах смерти.

"Вега" тогда стояла у причала, ненужная, чуждая, груда металла стоимостью в сотни миллионов долларов. Дэниел поднялся тогда на борт, сел в кресло пилота, которое еще хранило запах отца, и зарыдал. Осознание страшной потери накрыло его с головой, сжало душу до беспомощного комочка где-то далеко внутри. Словно смерть накрыла их обоих, а его еще живое тело отказывалось жить дальше в мире, где больше нет отца, где одиночество настигает так же быстро и легко, как мимолетная улыбка незнакомой девушки. И словно кто-то свыше, равнодушно улыбаясь, забирает что-то невероятно дорогое тебе, всего лишь мимолётно обратив на тебя свое карающее внимание, будто отнимает игрушку у ребенка в тот момент, когда тот разыгрался и даже не думал, что забава эта временна.

Дэн пришёл в себя не сразу. Разговоры с друзьями отца, астрофизиками Алистером Санчесом и Адамом Бейкером, подтолкнули его к переосмыслению жизни. Он понимал, как важно жить с осознанием достойной цели. Только тогда воля движет человеком, а в глазах горит свет. Торрес младший принял наследие отца, решив делать всё то же, что сделал бы Райан. И первым делом осуществить сногшибательную идею – отправиться на Плутон. Отец хотел побывать на Плутоне? Припарковать "Вегу" там на недельку? А в случае

смерти остаться навсегда в космосе? Дэниел не сможет двигаться дальше, если не сделает этого. Сильный стресс от потери вылился в упорную работу по реализации сумасбродной идеи, автором которой был сам Райан. Его отец. Его папа.

Для начала Дэниел перебрался в Австралию, забрав с собой прах отца. Научное оборудование и инструменты он отправил самолетом в контейнерах, а "Вегу" перегнал своим ходом. Купив небольшой домик на берегу бухты, Дэниел продолжил подготовку к миссии, трудясь без выходных.

Вспоминая сейчас обо всём этом на пути к Плутону, Дэниел Торрес наслаждался спокойным торжеством. Всё оказалось вполне реалистичным. Дэн подошёл к правой стенке кабины, увешанной мешками, прикрепленными к стенам. Это была необходимость на случай отключения гравитационного симулятора. Он открыл один мешок и достал оттуда небольшую черную коробку. Блеснула скромная алюминиевая табличка с гравировкой: «Райан Торрес. 1958—2013». Покрутив коробку в руках, Дэниел бережно обернул ее золотистой термоизоляцией.

– Теперь ты – отец в золотистой обертке, – вслух произнес Дэн. – А мы летим. Как ты и хотел. Почему нет?

Он закрепил контейнер на панели приборов. Ему так захотелось. Словно отец всё еще управлял кораблем. Тоска постепенно сменялась рабочим настроением и больше не выбивала из колеи. Сделав себе кофе, Дэниел прошёл по ко-

раблю с кружкой в руке, отпивая на ходу.

Противорадиационный щит работал на мощности, близкой к максимальной. Температура внутри яхты заметно поднялась из-за нагрева электроники и избыточного тепла, накопленного за время разгона. Было жарко, но терпимо. "Вега" отдавала избыток тепла через направленное тепловое излучение, обращенное вглубь космоса, чтобы с Земли не быть обнаруженным по инфракрасному спектру. Теперь, когда разгон завершен, есть немного времени на опыты, эксперименты и подробные отчеты. Два или три месяца для серии научных экспериментов, это очень и очень скромно, и Дэн вряд ли управится даже за время обратного пути. Но всё же постарается сделать как можно больше.

Земля медленно удалялась, тоскливо сжимаясь в размерах, скрывая на своей поверхности кишачий жизнью мир, а ее верный спутник торжественно вальсировал вокруг, вдохновляя влюбленных на Земле и служа превосходным ориентиром из космоса. Когда смотришь издали, например, с расстояния орбиты Марса или Юпитера, Земля безошибочно узнается по голубоватому оттенку и Луне неподалеку.

ГЛАВА 4

Друзья Райана работали в университете Хопкинса в Балтиморе, недалеко от Лорела. Когда остальные сотрудники собирались домой, Адам Бейкер еще сидел в своем кабинете, копаясь в бумагах. Его офис олицетворял собой минимализм и рабочий беспорядок одновременно. Несколько столов, заваленных бумагами, канцелярской утварью и карандашами, компьютер, принтер, холодильник, забитый минералкой, голова Эйнштейна, засиженная мухами, и, пожалуй, еще бумаги. Бейкер, дожив до семидесяти лет, не переставая работал в университете. Его ценили за опыт, часто приходили за мудрым советом в отношении всего на свете, в том числе и по вопросам семейного благополучия, неизменно получая от него жаркий совет держаться от женщин подальше. Его жена умерла 10 лет назад, оставив лишь сполох былой печали в душе ученого, потому что Бейкер давно жил отдельно, всегда забывая отправить ей открытку на Рождество. Временами старый ученый преподавал. Его любили студенты за колоритный басовитый голос и обязательные шутки в теле серьезных фундаментальных лекций.

Дверь бесшумно отворилась, и на пороге появилась фигура Алистера Санчеса.

– О, дружище, заходи! – пророкотал Бейкер.

Тот вошёл быстрым шагом, убрал со стула стопку бумаг

и сел. Его ноги в лакированных туфлях моментально оказались на столе. В свои 60 лет он выглядел на 45. Отчасти из-за занятий спортом, отчасти благодаря манере одеваться в ультрасовременном стиле и регулярному окрашиванию волос. Так же, как и Бейкер, Санчес вёл холостяцкую жизнь, пополняя ряды семейных неудачников. Его единственная тайная подруга коротала время в библиотеках Вашингтона, посещала музеи и выставки по всему восточному побережью, приобщая нудного физика к высоким художественным идеалам. Её попытки оказывались по большей части безуспешными. Алистер имел мексиканские корни и терпел подтрунивание коллег по этому поводу, что побуждало его работать как проклятый, дабы не ударить в грязь лицом. И если сотруднику с «традиционно американским происхождением» было бы достаточно и половины достижений Алистера, чтобы считаться гением, то последнему приходилось тужиться до полубоморочного состояния, чтобы хоть кто-то снисходительно похлопал его по плечу.

Санчес достал ручку из кармана и принялся нервно щёлкать кнопкой.

– Ты слышал?! Сборная университета опять ведёт в счёте!

– Ха-ха, за такую стипендию, какую платят этим ребятам, и я бы стал чемпионом! – усмехнулся Бейкер, что-то ища среди бумаг.

– Брось, дело вовсе не в этом. Игра на родном поле делает своё дело. Вот посмотрим, как они сыграют на следующих

выходных. Мне неинтересно болеть за тех, кто на голову опережает остальных. Нет интриги! Как это было с гонщиком Рёрлем. Если он значится в составе заезда, то всегда приедет первым! Его даже хотели дисквалифицировать за это.

Дверь снова распахнулась. В кабинет вошёл человек в идеально отглаженных брюках и белоснежной шёлковой рубашке под атласным пиджаком. Из-под рукава блеснули золотом часы.

– Всем привет! Как делишки? – небрежно сказал незваный гость.

– Всё прекрасно, – натянуто улыбнулся Бейкер, отложив бумаги.

– На выходные обещают чудесную погоду, – гость подмигнул и встал посередине кабинета. – Я Дерик Рингер, сотрудник группы управления из проекта Р-2006 в Лореле. Я ищу мистера Адама Бейкера.

– Я перед вами, мистер Рингер.

– Это прекрасно, рад знакомству, – голос посетителя выдавал нетерпение. Он подошёл сначала к Бейкеру, а затем к Санчесу, протягивая руку.

– А вы, как я понял, Алистер Санчес, коллега мистера Бейкера? – он постарался изобразить улыбку. – Мне нравится ваша мексиканская кухня.

Санчес в ответ деликатно промолчал.

– Сразу перейду к делу. Вы были хорошо знакомы с мистером Торресом. Я глубоко скорблю по причине его безвре-

менной кончины, – Рингер выдержал нужную в таких случаях паузу и прибавил высокопарности: – Его не понимали в определенных кругах, но для меня и для вас не секрет, что мистер Торрес был гениальным ученым. В мире сейчас нет ему равных. Это современный Никола Тесла с безумными на первый взгляд идеями. К величайшему сожалению, его не стало, но я бы хотел продолжить его работу. Я могу выбить хорошее финансирование. Уверен, что у мистера Торреса осталась масса незавершенных исследований.

Адам Бейкер откинулся в кресле и скрестил руки на животе.

– Нам, как хорошим знакомым Райана Торреса, приятно слышать от вас столь лестные замечания о таланте усопшего коллеги, – Бейкер кивнул Санчесу. – Однако со свойственной порядочному ученому точностью поспешу отметить, что вы несколько преувеличиваете.

Алистер поднялся, подошёл к окну и стал нервно поглаживать бородку.

– Всего нет, – Рингер скривил физиономию. – Вы же всё понимаете.

– О чём вы?

Гость смахнул пылинку с рукава пиджака и с ехидцей посмотрел сначала на одного, затем на другого ученого.

– Мне нужны его рабочие записи. Кто ими владеет? Я готов заплатить.

– Записи? – удивился Бейкер. – Мне ничего о них неиз-

вестно. Может быть, Алистер в курсе? – пожилой ученый посмотрел на друга.

Санчес отрицательно замотал головой.

– Джентльмены, полагаю, вы всё прекрасно понимаете, – Рингер поднял руки, словно на него наставили пистолет. – У меня нет времени на ненужные формальности. Рано или поздно мне станет известно все. Но я запомню, кто мне помог, а кто нет.

Рингер посмотрел в глаза старому Бейкеру, боковым зрением заметив, как суетится Санчес у окна.

– Вы знаете, кто такой Дэниел Торрес? – спросил Рингер. Санчес у окна вздрогнул.

– Это его сын, – ответил Бейкер.

– Я бы хотел поговорить с ним, мистер Бейкер, – голос Рингера стал значительно теплее, даже чересчур, словно тот одернул себя и постарался натянуть сползающую овечью шкуру.

Старый ученый сделал извиняющийся жест, будто только что пропустил мяч в игре:

– Мы бы и сами хотели знать, где он.

Рингер приуныл, его губы скривились, глаза потускнели, на лице отразилась грусть, а спустя лишь мгновение появилась невинность.

– Я не тороплю, вы можете подумать. Однако уверяю вас, – голос Рингера стал почти ласковым, – работы и изобретения Райана Торреса будут приняты ученым сообществом и

сделают его имя легендой! Разве это плохо? Вы же не против?

Он направился к выходу, остановился в дверях, вернулся назад и протянул визитку Бейкеру:

– Пожалуйста, свяжитесь со мной, как только решите обсудить мое предложение. Помните: финансирование на самом высоком уровне!

Он аккуратно собрал с пола бумаги, которые только что уронил, задев за торчащий край листа, положил их на стол и вышел, тщательно отряхивая руки. Приятели посмотрели друг на друга.

– Что это значит? – спросил Санчес.

– Что ж, это следовало ожидать. Работами нашего покойного друга будут интересоваться, – спокойным тоном произнес престарелый ученый, тяжело встал, подошёл к окну и посмотрел на вечернее небо.

– Где-то там наш сынок?

– Если всё идет по плану, то сейчас Дэниел закончил ускорение и вышел на прямую траекторию, – ответил его коллега.

– Последнее время он был сам не свой, – Бейкер продолжал смотреть на небо. – Он закоренелый интроверт. Не думаю, что ему там сейчас плохо, но как бы не «поехала крыша». Ты знаешь, о чём я. Ему надо жить своей жизнью, а не вспоминать прошлое. Он слишком привязан к отцу. Не все идеи Райана следовало развивать. Я беспокоюсь, вернется ли он. Не погубит ли его нелепая затея отца?

– Не нравится мне этот тип, – заметил Санчес, глядя сквозь стекло на вышедшего из здания Рингера. – Сегодня я работаю допоздна.

– Как обычно, – усмехнулся Бейкер.

Его друг направился в свой офис, который располагался в другом конце коридора.

ГЛАВА 5

Дэниел выбрался из-за щита обшивки борта, где имелось пространство для оборудования. Пот катил со лба, на лице грязные полосы, одежда намочила и прилипла к телу. Он потратил целый час на возню с блоком управления очистителя воды, который благополучно «сгорел». Сам ремонт завершился быстро, но вот поставить блок на место стоило больших усилий.

Дэниел чувствовал голод, но не мог оставить работу. Вдобавок требовалось протестировать генераторную ячейку с третьим номером. Она не выдавала полную мощность, и появились подозрения, что ячейка «сдохнет» раньше срока. Дэн отключил тумблеры. Приборы зафиксировали повышенную радиацию. Три оставшихся модуля не справлялись с нагрузкой защитного поля. Во время полета почти вся мощность генераторов расходовалась на прожорливое защитное поле.

В космосе техника нуждается в постоянном внимании. Если на Земле можно вызвать эвакуатор или бросить сломанную машину, чтобы добраться до отеля, то в космосе такие фокусы не пройдут. Из-за огромного объема работ усталость навалилась на Дэниела. Казалось, даже сердце утомилось, качая кровь. Движения давались через силу, а в голове непрерывно прокручивался объемный план работ.

Дэниел включил тестовый режим, взял бумагу и стал записывать показания. Через час он нарисовал график. Ячейка оказалась способной стабильно работать только на половину мощности. Это означало, что придется получить повышенную дозу космической радиации. Не смертельно, но неприятно. Особенно, когда ты об этом знаешь.

Бортовые часы показывали полночь. Торрес наконец-то поужинал и сел за отчет. На борту космического корабля важно вести подробный журнал, в котором будет отмечено все, что произошло, что сделано, любые сбои и отклонения в показаниях приборов. Необходимая рутина. В три часа ночи по сиднейскому времени Дэн отключил будильник, который должен был разбудить его уже через три часа, и крепко заснул.

Прошло две недели, как он был в пути. Впереди лежали бескрайние области, где еще не бывал человек, где царило нетронутое мироздание и правил холод. Там скрывались тайны, и в то же время всё предельно ясно. Там вместе с азотом и метаном замерзло само время.

Иногда Торрес-младший устраивал себе отдых на половину дня. Включал музыку, пил кофе и наблюдал за космосом через небольшой оптический телескоп, закрепленный в специальном контейнере на крыше и передающий сигнал на монитор. Юпитер в это время находился на противоположной стороне своей орбиты, но всё же оптика позволяла наблюдать его узорчатые бока и транзит спутников. Ближе всех

из гигантов располагался Сатурн с его великолепным и ярчайшим диском. Уран и Нептун находились слева, а Плутон – прямо по курсу. Земля отсюда напоминала маленький голубой серпик, а Луна – белую точку. Неподражаемые Плеяды, Андромеда и туманность Ориона, Сириус, Ригель, красный сверхгигант Бетельгейзе и, конечно же, звезда Вега, в честь которой Райан и назвал яхту. Наблюдать за планетами и звездами можно было часами, и особенно интересным это занятие становится, когда начинаешь немного разбираться в астрономии. Тогда ночь напоминает сеанс встречи с давно знакомыми друзьями. У каждого из них своя история, которая не меняется вот уже тысячи лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.